

он поставил условие, которое я не могу принять. Но Торгильс не отказывался отомстить за Болли, если он получит согласие на брак со мной. Однако это невозможно, и поэтому я не буду просить его принять участие в этом походе.

Снорри сказал:

– Я дам тебе совет, потому что я не хочу, чтобы Торгильс не смог принять участие в этом походе. Ты должна дать ему обещание на брак, однако с той оговоркой, что ты не выйдешь ни за какого другого человека, который находится здесь в стране, кроме Торгильса, и это будет правдой, потому что Торкеля, сына Эйольва, теперь нет здесь в стране, а ему я обещал брак с тобой.

Гудрун отвечала:

– Он заметит эту хитрость.

Снорри возразил:

– Он, конечно, ее не заметит, потому что Торгильс более известен своей пылкостью, чем своим умом. Заключи эту сделку при немногих свидетелях. Пусть будет при этом Халльдор, его названный брат, но только не Арнольв, потому что тот умнее, и пусть я буду виноват, если ничего не выйдет.

После этого Гудрун прекратила с ним разговор, и они друг с другом простились. Снорри поехал домой, а Гудрун – в Тюккваског. На следующее утро после этого Гудрун выехала из Тюккваскога, и двое ее сыновей вместе с ней. И когда они ехали вдоль Скогарстранда, они увидели, что за ними едут какие-то люди. Те ехали быстро и вскоре их нагнали, и это был Торгильс, сын Халлы. Они дружески приветствовали друг друга. После этого они поехали все вместе дальше, в Хельгафелль.

LX

Через несколько дней после того, как Гудрун вернулась домой, она призвала сыновей для беседы к себе, в свой огород. И когда они явились, они увидели, что там, на земле была разостлана полотняная одежда, рубашка и полотняные штаны. Все это было в крови. Тут Гудрун сказала:

– Это платье, которое вы видите перед собой, должно подвигнуть вас на месть за отца. Я не хочу тратить много слов, потому что нечего ожидать, что на вас подействуют речи, зовущие к мести, если вы ничего не почувствуете при виде таких знамений и напоминаний.

Братья были сильно потрясены тем, что сказала Гудрун, но ответили, что прежде они были слишком молоды для совершения мести и что у них не было никого, кто бы их наставил на этот путь. Они сказали, что не в состоянии решать что-либо ни за себя, ни за других.

– Но мы оба помним, кого мы потеряли.

Гудрун отвечала, что, по ее мнению, они больше думают о конских боях или об играх. Затем они ушли.

Ночью после этого братья не могли заснуть. Торгильс заметил это и спросил, что с ними. Они рассказали ему весь разговор с матерью и прибавили, что они не могут дольше терпеть свое горе, а также материнские упрёки.

– Мы хотим попытаться отомстить, – сказал Болли. – Мы, оба брата, теперь настолько возмужали, что люди будут попрекать нас, если мы ничего не сделаем.

На следующий день Торгильс и Гудрун стали говорить между собой, и Гудрун так повела речь:

– Мне кажется, Торгильс, что сыновья мои не хотят дольше сидеть сложа руки, не думая о мести за своего отца. Меня больше всего останавливало в этом деле то, что Торлейк и Болли казались мне слишком юными, чтобы участвовать в кровной мести. Но у нас были причины и раньше думать об этом.

Торгильс отвечал:

– Нет смысла говорить со мной об этом, раз ты отказалась выйти за меня. Однако мои мысли сейчас остались такими же, как прежде, когда мы оба об этом говорили: если я получу твое согласие на брак, то я не остановлюсь перед тем, чтобы убить одного или двух из главных виновников смерти Болли.

Гудрун сказала:

– Мне кажется, что Торлейк не выберет никого, кроме тебя, в качестве предводителя, когда нужно будет начать дело, которое потребует силы и смелости. И я не хочу скрывать от тебя, что мальчишки намереваются отправиться в поход против Хельги, сына Хардбейна, этого вояки, который сидит у себя в Скоррадале и думает, что ему нечего бояться.

Торгильс сказал: